

Зорин Р.Г., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Республика Беларусь,
Крамаренко В.П., старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Россия

**Обман как правомерное - неправомерное психическое воздействие в уголовном судопроизводстве, в системе следственных действий и как форма противодействия в деятельности сторон защиты и обвинения...
Ситуационный подход.**

Zorin R.G., PhD in Law, Associated Professor of Grodno State University, Republic of Belarus,
Kramarenko V.P., Senior Lecturer of Baltiysk Federal University, Russia

**Deception as a justifiable-unjustifiable mental impact in the criminal justice, in system of investigation and as a form of counteraction activity of parties in the defense and prosecution ...
A situational approach.**

"Речь – клевета. Молчание – ложь. За пределами речи и молчания есть выход"

китайский афоризм

В социологии и психологии общение вербальное или невербальное рассматривается, в том числе, как воздействие на личность партнера по общению [1]. Анализируя процесс общения, как психологический акт взаимодействия между различными субъектами, его результат, стоит определить (выделить) компоненты и структурные элементы происходящего контакта. Диагностировать правовую и психологическую природу воздействующей составляющей общения, характеристику причин ее

происхождения. С точки зрения деятельностного подхода, всякое общение, происходящее в рамках досудебного производства по уголовным делам, является, в том числе и актом психического воздействия. Влияние психического воздействия на различные стороны уголовно-процессуального производства весьма обширно, так как затрагивает не только интересы и цели деятельности всех его участников, но и как форма противодействия сторон обвинения и защиты предопределяет выбор оптимальной системы следственных, процессуальных и иных действий предпринимаемых ими в рамках достижения целей своей деятельности. В частности, в одной из своих работ, мы указывали на психологическую составляющую воздействия в общении, рассматривая его как технологическое средство изменения психологической установки личности допрашиваемого в процессе коммуникационного взаимодействия между следователем и его процессуальными партнёрами [2]. Ошибки выбора зависят от способности субъекта деятельности к распознаванию категории обман. Обман - феномен, присущий в основном человеческому общению. Поэтому, насколько субъект уголовно-процессуальной деятельности принимает себя, доверяет себе, настолько он может пойти на риск, принять на себя определенную ответственность за выбор той или иной оптимальной системы следственных, процессуальных и иных действий предпринимаемых им в рамках достижения целей своей деятельности. В связи с этим стоит определить роль обмана, его значение и функции, а также соотношение обмана и психического воздействия в общении.

Обман сам по себе является психическим воздействием или несет его в себе [3]. Правомерное психическое воздействие само по себе не является ни целью, ни задачей. Оно выступает проводником между субъектом воздействия и его адресатом. Вне зависимости от того является психическое воздействие правомерным или нет, оно может быть как осознанным - неосознанным, явным - латентным. В определенных случаях обман и психическое воздействие становятся тождественными друг другу, это происходит тогда, когда обман

становится целью оказания психического воздействия. Иногда сам факт психического воздействия может выступать обманом, быть обманным. Точнее обман содержится в целях и задачах преследуемых субъектом общения [4]. Следовательно, не всякое психическое воздействие станет обманным. Таковым будет воздействие, которое преследует своей целью, изменить качество восприятия адресатом реальной объективности его окружения, вне зависимости правомерное оно или нет.

Совершенно очевидно, что искусно осуществляемая деятельность сторон обвинения и защиты по искусственному созданию представлений у адресата ложных целей, задач, направлений их деятельности является весьма эффективным средством достижения нужных им результатов.

Обман может служить одной из форм проявлений социальных противоречий, выражая эгоистическое обособление, конкуренцию, а также всевозможные способы достижения своих интересов и целей за счет других или вопреки желаниям других. Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов [5]. Формы проявления обмана в уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях весьма разнообразны. Наиболее часто его можно наблюдать в виде действия или бездействия; умолчания о фактах; допущения легенды; искусственное создание условий, способствующих осуществлению желаемой деятельности процессуального оппонента; искусственного создания ситуаций неправильного восприятия информации о событиях, фактах, явлениях, направлениях и т.п.

Осмелимся предположить, что обман в той или иной степени или форме сопровождает, весь процесс производства на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, и допускается в деятельности обеих сторон, как защиты, так и обвинения. В состязательности всегда усматривается обман (хитрость) без чего абсолютно нет игры, нет и самой состязательности. Обман присутствует в уголовном процессе, как и в любой игре, когда он

используется в целях опережения оппонента. Понимание, а также признание определенных закономерностей, присущих данному явлению позволит глубже понять сущность самого процесса состязательности, а также содержание, направленность, цели, задачи функций обвинения и защиты. Обман не должен способствовать шантажу, оговору, самоговору, нарушению принципов и норм уголовно- процессуального закона его источников, не может быть основан на незнании норм права. Обман при определенных условиях становятся вполне допустимыми, непротиворечащими закону. К допущению обмана в состязательном процессе применимы те же требования, что и к тактическому приему.

Использование обмана в качестве формы психического воздействия на партнёра по общению возможно при создании условий, позволяющих воспринимать, понимать, осознавать, оценивать заданные искажения познаваемой информации. Предоставляемая свобода выбора линии дальнейшего поведения субъекта, подвергнутого обманным манипуляциям не должна ограничиваться какими-либо действиями (интеллектуальными, физическими, психологическими) со стороны их инициатора.

При помощи манипулятивных средств и способов воздействия решаются многие и многие задачи в различных сферах человеческой деятельности, несущей состязательность сторон. Не является исключением уголовно- процессуальная деятельность. Например, использование таких методов предусмотренных законом методов как принуждение, убеждение, указания как раз и несут в себе манипулятивную составляющую.

Всякое общение есть воздействие, включающее в себя и влияние. В отдельных случаях оно влечет за собой принятие мер к управлению исследуемой ситуацией и процессом общения [6].

Общение, преследующее цели одного из противоборствующих субъектов, несет в себе манипулятивное начало. Манипулятивное воздействие может быть осознанным и неосознанным, потому что зависит от степени внушаемости адресата воздействия - оппонента по общению. Может случиться, что

воздействие, оказанное на личность и не несло разрушительной силы для её психики, сознания дальнейшего поведения. Однако было воспринято адресатом неправильно и расценено как недопустимое. Сам факт восприятия воздействия и его последствия оценить чрезвычайно сложно. Порой это становится под силу только специалистам. Только распознав психологическую природу воздействия, его уместность, целесообразность, соответствие нормам закона, можно говорить о правовой оценке оказанного воздействия. Проведение манипуляции, во-первых, связано с выбором «мишеней воздействия» и, во-вторых, с созданием стандартной, либо нестандартной ситуации в общении. Предложенная Е. Л. Доценко [7] классификация мишеней психологического воздействия вполне отвечает задачам, предпринятого нами исследования психического воздействия на субъект общения в состязательном производстве на досудебной стадии уголовно-процессуальной деятельности и, в трансформированном виде, выглядит следующим образом: - побудители деятельности; регуляторы активности; когнитивные (информационные) комплексы; операциональный состав деятельности; психические состояния субъектов взаимодействия (фоновые, функциональные, эмоциональные и т. п.).

Моделирование предстоящего воздействия связано с тщательным и целенаправленным:

- изучением побудителей деятельности (потребностей, интересов, склонностей, идеалов);

- созданием необходимых когнитивных (информационных) комплексов и структур (знаний о типовых криминальных, следственных ситуациях, об объективированных представлениях о конкретной ситуации расследования, его противоборствующих участниках и процессуальных партнёрах, а также сведений, которые обеспечивают информацией их активность);

- формированием необходимого операционального состава деятельности (способов мышления, стиля поведения, привычек, умения, навыков, квалификации);

- исследованием психического состояния субъектов взаимодействия (фоновых, функциональных, эмоциональных и т. п.).

Побуждения сторон обвинения и защиты, инициированные состязательностью хотя и прямопротивоположны, но всё же имеют общую процессуальную природу происхождения. Они зарождаются в стадии досудебного производства, течение которого нормативно урегулировано. Таким образом, мотивацией использования обмана, как психической формы воздействия на субъект общения, как это не звучит парадоксально, является состязательность.

Побудители деятельности в состязательной процессуально - следственной ситуации меняются, трансформируются, в том числе и с помощью обмана. При определённых, искусственно создаваемых условиях, например восприятия стороной защиты информации об осведомлённости стороны обвинения об обстоятельствах криминальной ситуации, появляются основания для возникновения новых потребностей, желаний, интересов, еще вчера не актуальных для оппонента. Одной из сторон создается так называемый «искусственный пакет, изготовитель желаний, потребностей, интересов» процессуального, психологического, тактического, методического характера, что и влечет за собой отвлечение внимания процессуального оппонента от всего главного, существенного. Создаются все условия, способствующие к достижению цели с элементами проблемности. Акценты могут быть искусственно расставлены как в отношении средств и способов достижения все тех же искусственных целей, так и самих результатов данной деятельности. Чем больше в неё будет, втянут участник, и чем больше будет в деятельность задействовано, привлечено лиц, тем увлеченнее для всех и для каждого она станет. В дальнейшем по принципу цепной реакции все будет происходить по мере изготовления побудителей активности, темпе и динамики деятельности, ее разнообразия, искусности её исполнения. Для достижения целей обмана абсолютно становится неважным, для кого именно были изготовлены данные побудители.

Объектом воздействия могут быть, например, законные представители участников уголовного процесса и другие его субъекты. Главное чтобы процессуальный оппонент получил доступ к задаваемой субъектом изготовителем информации, а репертуар психологического воздействия отвечал требованиям законности и соответствовал интересам субъекта - изготовителя. В таком сценарии использования обмана в качестве технологического средства достижения целей состязательного процесса проявляется как суть усмотрений органа уголовного преследования, так и суть инициативы стороны защиты. В этом кроется обман. В этом выражается принцип состязательности сторон. Конечно, это вовсе не значит, что вся деятельность сторон в состязательности построена исключительно на обмане. Но и недооценивать его роль и значение в состязательности представляется недопустимым.

Регуляторы активности субъектов уголовного процесса исключительно индивидуальны и избираются в зависимости от ряда субъективных и объективных условий, в том числе внешних, внутренних факторов, характеризующих следственную, оперативно-розыскную, психологическую, криминалистическую ситуации. Таким образом, можно утверждать, что интересующие побудители активности вполне могут возникать и успешно создаваться путем формирования внешних и внутренних условий общения, как в конфликтных, так и бесконфликтных ситуациях. Убеждения, рассматриваемые как побудительные активаторы деятельности, в частности, формируются и в результате оглашения показаний других лиц.

Выявление оглашением противоречий, демонстрация осведомленности-неосведомлённости, демонстрация пробелов в знаниях о факте события преступления, одинаково применимы в целях смены убеждения и в позициях сторон защиты, и обвинения. Любые убеждения в уголовном судопроизводстве могут быть поставлены под сомнения в силу принципа презумпции невиновности, могут быть опровергнуты, стать ничтожными. При этом сами по себе убеждения субъектов в уголовном процессе ничего не несут и не значат. Процессуальное, доказательственное значение несут лишь те убеждения,

которые основаны на нормах закона, исключительном знании материалов уголовного дела, достаточной совокупности доказательств устанавливающих виновность или невиновность, и которые нашли своё выраженные в источниках доказательств, а также в итоговых процессуальных документах, решениях. Что касается создания когнитивных комплексов, то отметим, что вся уголовно-процессуальная деятельность носит познавательно-удостоверительный характер. В процессе доказывания на процесс познания события преступления влияют субъективные и объективные обстоятельства. Познавательный процесс в уголовном судопроизводстве отличается от других сфер интеллектуальной деятельности тем, что содержит не систему действий – бездействий, этапов поступления, обработки, преобразования и оценки информации, но и ряда других специфических действий таких, например как, выявление, фиксация, исследование изъятие оценка и другие. Таким образом, познавательный процесс носит не пассивный, созерцательный характер, а наоборот, активный, наступательный в условиях состязательности, противодействия, проблемности в установлении исходных данных.

Познание в уголовном процессе зависит также от результатов совместной деятельности, различных субъектов, в том числе в будущем как процессуальных, так и непроцессуальных партнёров и, даже противников. Следовательно, влияние на сознание адресата воздействия извне вполне очевидно. Особенно ярко такое влияние отслеживается тогда, когда следователь, попадает под вольное или невольное воздействие обмана (ошибочного убеждения) со стороны оперативных сотрудников, представивших ему информацию, мягко говоря, не соответствующую действительности [8]. Кроме того, познание в уголовном процессе носит опосредованный, интерпретационный, творческий характер. Невозможно творить в вакууме. Чтобы творить, надо обладать знаниями и навыками. Что касается, в частности, производства экспертных исследований, то особенно важно получить взаимные консультации и как можно больше вопросов [9]. В связи с этим совершенно очевидно, что операциональные комплексы отражают

внутренние различные психические процессы мыслительной деятельности противоборствующих, либо сотрудничающих субъектов. Среди них, характер и образ мышления, навыки, умения, критичность.

Касаясь психических состояний, то здесь следует отметить, что на практике в нередких случаях используется эмоциональное состояние участников уголовного процесса, что в свою очередь влияет на их решительность, собранность, способность к противостоянию психологическому воздействию и манипуляциям. Разумеется, эмоциональное состояние не должно использоваться в целях оговора-самоговора, а также в целях снижения критичности в показаниях. Из этого видно, что в уголовном судопроизводстве могут быть использованы приемы, методы психологические свойства в правовых границах допустимости в целях достижения задач уголовного процесса, установления объективной истины по уголовным делам.

Следует ли отождествлять всякий тактический прием комбинацию с обманом? Некоторая часть тактических приемов, используемых при допросах, в действительности содержит обман, является обманным. В ряде случаев содержание тактического приема, его наполнение, как и сам факт его применения, может нести в себе ложное начало в виде ложных целей задач, содержания, средств и способов. Распознавание, восприятие такого тактического приема, инициативность, активность в готовности его принять адресатом, в отношении которого он проводится с полной ответственностью возлагается на субъект воздействия. Вовсе не обязательно для реализации лжи осуществлять действия вербального характера. Таким образом, при условии соблюдения требований предъявляемых к тактическим приемам (законность, научная, нормативная и фактологическая обоснованность, целесообразность, соответствие нормам морали и этики, не должен соответствовать оговору-самоговору), деятельность обманного характера представляется вполне допустимой и правомерной [10]. Стоит отметить, что обман, как технологическое средство может быть элементом и содержанием тактического приема, комбинации, операции. Он может выходить за цели, задачи, и даже за

рамки тактических приемов, комбинаций, следственных и иных процессуальных действий. Но при этом чрезвычайно проблемным выступает вопрос о допустимости-недопустимости обмана в подобных условиях. И вот почему: известно, что общение и взаимодействие сторон обвинения и защиты происходит в уголовном судопроизводстве не только в рамках уголовно-процессуальных действий. Результатом общения является обмен, передача информации в виде высказываний, убеждений, мнений, оценок обозначения противоречий, пробелов, обмен эмоциями и т.п. Подобная деятельность не свободна от состязательности сторон, т.е. не выходит за пределы уголовно-процессуальных правоотношений. Но, тем не менее, она и не свободна от интриг психических, психологических, уголовно-процессуального давления и противодействия и, в том числе, от действий, носящих характер различных уловок и обмана.

Подводя итоги, отметим, что в состязательности, соперничестве противостоянии сторон обвинения и защиты, обязательно будет присутствовать ложь и обман в той или иной степени, форме его проявления и соответствующих последствиях. Для своевременной диагностики, исследования и преодоления данного явления, необходимо обладать технологическим, интеллектуальным инструментарием ситуационного подхода, комплексирующим в себе оптимальную совокупность знаний, реализуемых через те или иные виды деятельности субъектов состязательного процесса в любых ситуациях на всех этапах уголовно-процессуальной деятельности.

В завершение позволим предложить следующий алгоритм диагностики лжи и обмана в уголовном судопроизводстве, который, с нашей точки зрения, включает в себя наиболее эффективную технологию их системного преодоления:

- установление, распознавание, содержания процессуального действия-бездействия;

- установление направленности действия-бездействия субъекта уголовного процесса;
- установление используемых средств и способов защиты и обвинения в процессе реализации действий-бездействий обманного характера;
- установление адресата обращения воздействия и субъекта как инициатора воздействия;
- установление, выявление негативных обстоятельств в процессе диагностики интересующих действий-бездействий, механизма их реализации;
- установление, выявление существенных уголовно-процессуальных нарушений;
- установление, выявление ошибок психологического, тактического уголовно-процессуального, криминалистического характера;
- определение направлений и путей устранения ошибок, преодоления их негативных последствий или их использования в тактических, стратегических целях
- выявление, установление признаков деятельности инсценировочного характера;
- установление круга заинтересованных лиц
- установление мотивации, намерений, желаний субъекта реализации деятельности с содержанием лжи и обмана.

-
1. Лунёва О.В. Общение. // Знание. Понимание. Умение. – М., — 2005. — № 4. — С. 157-159.
 2. Крамаренко В.П. Превенция ошибок в коммуникативных технологиях формирования вопросов при подготовке и производстве допроса. // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : збірник наукових праць. Вип. 9 / ред. кол. : М.Л. Цимбал, В.Ю. Шепітько, Л.М. Головченко та ін. – Х. : Право, 2009. – С. 30 – 36.
 3. С.Г. Кара-Мурза "Манипуляция сознанием" // Электронный ресурс / Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm
 4. Кузнецов В. В. Психология взаимопонимания. Неправда, ложь, обман. – Питер., 2008. - С. 128.
 5. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. — М.: Изд-во «РЭЙ», 1994. - С. 62.
 6. Крамаренко В. П. Мотивация и её значение в предупреждении ошибок на досудебных стадиях производства по уголовным делам // Проблемы борьбы с преступностью и

подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 июня 2010 г.) / под ред. В. Б. Шабанова. Минск: Акад. МВД, 2010. С. 290—291

7. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита.— М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997., С.122.

8. Крамаренко В. П. Ситуационный подход в предупреждении ошибок экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2009. № 1 (13). С. 10—14

9. Крамаренко В. П. Типичные ситуационные ошибки взаимодействия между следователем и экспертом // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 27—28 марта 2009 г.) / отв. ред. Г. А. Зорин. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 121—126

10. Зорин Г.А., Зорин Р.Г. Криминалистический репертуар стратегических и тактических приёмов, методов и технологий в состязательном уголовном процессе / Г.А. Зорин, Р.Г. Зорин. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 17.